

Семьи Чжан и Ма разделяли чувства соседей Сюй.

Ужин был в самом разгаре, но в доме Чжанов царило особое оживление. У супругов подрастали три дочери. Старшая, Данянь, которой в этом году исполнилось тринадцать, отличалась решительным нравом. Она ловко управлялась по хозяйству: и стирала, и готовила, и за младшими сёстрами присматривала так строго, что те порой боялись её больше, чем мать.

Эрнянь, вторая дочь, напротив, росла тихой и молчаливой. Госпожа Чжоу часто называла её «бирюком», ведь девочка могла просидеть весь вечер на одном месте, и даже уговоры матери пойти поиграть с младшей, Саньнянь, на неё не действовали. В конце концов Госпожа Чжоу махнула на это рукой.

— Матушка, что это? — спросила Данянь, помогая матери в кухне.

Госпожа Чжоу держала миску с тушёными потрохами.

— Требуха. Из дома семьи Ли принесли, из нашего переулка.

— Это от того господина, который вечно в длинном халате ходит? А наш папа может носить такой же? Красиво ведь.

В Гранатовом переулке мужчины обычно носили короткие куртки — шухэ, и только Гу Чжао выделялся среди них в своей ученической мантии.

— Это одежда академии Цинпин, — пояснила Госпожа Чжоу. — Там учатся сюцаи. Они не чета нам: им не нужно торговать или в поле спину гнуть, знай себе сиди да книги читай. Если твой отец наденет такой халат, как же он уксус варить будет?

Она поставила миску на стол и, вздохнув, добавила:

— Будь у вас брат, мы бы за эти годы скопили денег и отдали его в школу. Глядишь, и он когда-нибудь...

К сожалению, её чрево оказалось бесплодным на сыновей. Госпожа Чжоу тяжело вздохнула. Данянь, заметив, что матушка расстроилась, поспешила сменить тему:

— Ой, матушка, посмотрите, какая она чёрная! Неужели это вкусно?

— Да что в требухе может быть вкусного? — отмахнулась мать. — Но даже если бы учёный Гу

принёс миску земли, мы обязаны были бы её принять — такова удача достойного человека.

Заметив любопытство дочери, она припомнила своё детство. Тогда их семья жила так бедно, что даже требуха казалась праздником. Чтобы хоть немного жира в похлёбке было на Новый год, её отец купил потроха.

— Ох, до сих пор ту вонь забыть не могу, — Чжоу-ши поморщилась. — Голодная была, в рот запихнула, а меня чуть наизнанку не вывернуло. Думаешь, такая гадость может быть вкусной?

Услышав это, Данян сразу поумерила свой пыл.

Когда ужин был готов, она позвала сестёр. Эрнян, увидев незнакомое блюдо, тихо спросила:

— Сестрица, подавать её?

— Матушка говорит — невкусно, — ответила Данян.

Госпожа Чжоу подтвердила:

— Не ставь. В рот не возьмёшь, только тошноту вызовет. Позже вылью.

Но не успела она договорить, как Эрнян подхватила палочками кусочек и отправила в рот. Раз уж всё равно выбрасывать, она решила попробовать, насколько всё плохо.

— Ой, матушка, сестрица, это же вкусно! — воскликнула Эрнян, едва распробовав. — Не выбрасывайте!

Госпожа Чжоу не поверила своим ушам. Данян тоже не утерпела:

— Дай-ка я попробую.

Едва проглотив кусок, она закивала:

— Матушка, и впрямь вкусно! Даже ароматнее, чем то мясо, что мы сами жарим.

— Да быть не может... — пробормотала госпожа Чжоу и, забрав у дочери палочки, осторожно попробовала сама.

В доме семьи Ма происходило почти то же самое.

Супруги жили вдвоём. Детей у них не было — много лет назад муж получил травму. Теперь они трудились в городе, а заработанные деньги отсылали в деревню. Уговор был простой: когда младший брат мужа вырастет и обзаведется семьёй, первого же его сына отдадут им на воспитание.

Такова была воля родителей, и супругам Ма оставалось только смириться. Ведь кому-то нужно будет совершать обряды на их могилах, когда придёт срок. Мысли о том, чтобы усыновить чужого ребёнка, они даже не допускали — в чужом человеке не течёт кровь рода Ма. Они считали, что родители правы: лучше помогать младшему брату. Ему сейчас десять, он учится, а лет через семь-восемь женится — и тогда у них появится свой ребёнок.

Эта надежда и была смыслом их жизни.

Их дворик был совсем маленьким, зато арендная плата — дешёвой. Одну комнату они отвели под спальню, в других устроили мастерскую. Экономили на всём. Вот и сегодня на ужин была лишь простая лапша с парой вонтонов. После целого дня работы хотелось чего-то простого.

Крепкий костный бульон разбавили водой, добавили остатки лапши и горсть капусты. От такой еды немудрено было и заскучать.

— Соседи из дома Ли принесли миску тушёных потрохов. Может, попробуем? — спросила невестка Ма.

Муж, услышав про требуху, поморщился, но согласился:

— Давай. Не пропадать же еде.

Ма-саози и сама так думала. Расставляя миски, она с лёгкой грустью добавила:

— В соседнем доме живёт гэ'эр. Сегодня утром видела, как его сянгун специально за завтраком для него бегал. Так бережёт его.

— А я что, о тебе не забочусь? — спросил мужчина.

Она ласково взглянула на него:

— Ну как тут сравнивать... Просто завидно немного. Мне ведь всё равно было бы — девочка или гэ'эр, лишь бы свой.

— Это я виноват перед тобой...

— Полно тебе, — прервала она его. — Если бы ты тогда меня не защитил, я бы и вовсе до сегодняшнего дня не дожила. Давай есть. Посмотри, на вид — и не варёное, и не жареное, всё такое маслянистое.

Муж усмехнулся:

— Решила на мне испытать? Ну давай, если будет невкусно — съешь другое.

Чтобы сгладить неловкость, он положил кусок требухи прямо в миску с лапшой, надеясь, что так вкус будет не таким резким. Но едва он проглотил первую порцию, как лицо его изменилось.

— Скорее пробуй! — воскликнул он.

— Опять подшучиваешь? — усомнилась жена.

— Да честное слово, очень вкусно! — он подложил ей кусочек. — Аромат-то какой!

Невестка Ма последовала его примеру. Вкус был настолько насыщенным, что даже простая постная лапша стала необычайно аппетитной.

— И впрямь вкусно.

К концу ужина все три семьи съели потроха до последнего кусочка, не оставив даже соуса. Никто и подумать не мог, что Ли-фулан обладает таким удивительным талантом. В доме Сюй маленький Сяо Вэнь доел свою порцию и спросил:

— Бабуля, а можно завтра ещё такое поесть?

Взрослые мужчины тоже выжидающе посмотрели на тётушку Сюй.

— Уж не знаю, — задумчиво произнесла она. — Но сдаётся мне, супруг Ли надумал этим на жизнь зарабатывать.

В других домах думали так же. Стало ясно, что скоро в Гранатовом переулке откроется новое дело.

— Требуха-то стоит копейки, — рассуждали соседи. — Но вот способ приготовления... Я сладость чувствую, а сахар нынче дорог.

— Но сколько того сахара надо? Зато потроха обходятся почти даром. Интересно, почём

продавать станут?

Зависть завистью, но соседи были рады, что семья Ли решила торговать именно потрохами — это ничьих интересов не задевало.

— Эта требуха отлично пойдёт с лапшой, — заметил муж невестки Ма. — Без ничего она солоновата, а с лапшой или манту — в самый раз.

Соседи замерли в ожидании открытия.

***

В доме Ли супруги закончили ужинать и прибрались. Урок в школе Чжоучжоу длился час: сегодня они выучили два новых иероглифа и повторили старые. Умывшись, они легли в постель и завели неспешный разговор.

— Сянгун, как думаешь, почём нам это продавать? — Ли Чжоучжоу начал загибать пальцы. — Булка с мясом стоит три вэня, со сладкими бобами — тоже три. Миска вонтонов с мясом — шесть монет.

Гу Чжао прикинул:

— А если брать нашу большую раздаточную ложку? Семь вэней за порцию?

Ложка была внушительной, одна такая порция наполняла добрую половину миски.

— Не слишком ли дорого? — засомневался Чжоучжоу. — Я думал — монет пять...

— Нельзя так считать. Сейчас требуха стоит гроши, но погоди — со временем цену могут поднять. А дрова? А специи? А твой труд? Ты ведь весь день на ногах. Мы не станем ломить цену, но и за бесценок отдавать нельзя. Из одного черпака выйдет хорошая порция. А если позже надумаем тушить овощи, тофу или доуган? Они ведь дороже потрохов. Не может же овощное блюдо стоить больше мясного?

Он рассуждал уверенно:

— К тому же твой лувэй в округе — единственный в своём роде. Не бойся ставить цену, она вовсе не заоблачная.

— Да кто ж отдаст лян серебра за требуху! — рассмеялся Ли Чжоучжоу.

— А почему нет? — улыбнулся Гу Чжао. — Богачи за то, что им по сердцу, любые деньги выложат. Но завтра, когда будешь готовить, прикинь, сколько порций выходит из одного котла.

— Хорошо. Значит, по семь монет за ложку?

— Цена невысокая, для нашего переулка — в самый раз, — согласился Гу Чжао. — У нас живут люди простые. Семь монет за полмиски лувэя — вполне по карману. Это дело на долгий срок.

Ли Чжоучжоу приободрился. Завтра ему предстояло купить потроха, заказать стол, запастись дровами... Расходы предстояли немалые, но страха больше не было. Он чувствовал: дело выгорит.

— Послезавтра у меня выходной, — добавил Гу Чжао. — Тогда и откроемся. Я буду дома и помогу тебе.

Ли Чжоучжоу окончательно успокоился. С мужем рядом ничего не страшно. Сон уже почти сморил его, но вдруг Гу Чжао встрепенулся:

— Слушай, для торговли потрохов нужно будет много. Мясная лавка далеко... Давай-ка закажем тележку?

Чжоучжоу хотел было сказать, что и сам дотащит, но сянгун применил «секретное оружие»:

— Лапушка, я же не хочу, чтобы ты перетрудился!

Ли Чжоучжоу при слове «перетрудился» сразу вспомнил об их мечтах о детях. Пряча смущение, он лишь тихо отозвался:

— Хорошо.

— Одноколёсные вечно кренятся, неудобно. Сделаем двухколёсную.

Гу Чжао выбрался из постели и в темноте принялся чертить проект будущей тележки. Ли Чжоучжоу зажёл масляную лампу. Слушая объяснения мужа о том, что двухколёсная тележка устойчивее и легче в ходу, он не мог сдержать радостной улыбки. Провозились они долго, и когда наконец легли, уснули мгновенно.

На следующее утро, пока Ли Чжоучжоу хлопотал над завтраком, Гу Чжао быстро сбегал к соседям.

— Я договорился с семьёй Ма, — сообщил он, вернувшись. — Возьми их тележку, пока нашу не

сделают. Потом угостим их потрохами в благодарность.

— Хорошо, сянгун. Иди скорее завтракать.

Позавтракав, Гу Чжао сменил платье на ученическое, поцеловал супруга и поспешил в академию. Он заметил: стоит один раз прийти впритык к занятиям, и вернуться к прежним ранним сборам уже невозможно. Вот и сегодня — едва он успел достать кисти и бумагу, как прозвенел звонок.

Чжэн Хуэй сегодня сиял.

— Вечно ты в последнюю минуту! — поддразнил он друга. — Жил бы в общежитии, горя бы не знал.

— А в общежитии под боком будет любимый супруг? Ты одинок и несчастен, тебе не понять.

Чжэн Хуэй притворно возмутился:

— Между прочим, я женат!

— И что с того? Ночами ты всё равно спишь с Янь-сюн.

Янь Цзиньсинь, не отрываясь от книги, холодно заметил:

— У каждого своя кровать.

Тут прозвенел звонок, и все разошлись по местам. Чжэн Хуэй хоть и ворчал, но в душе был рад. После того откровенного разговора ему стало легче. Гу Чжао теперь общался с ним непринужденно, и это казалось Чжэн Хуэю куда ценнее пустой вежливости. Даже с Янь Цзиньсинем они стали ладить лучше. Чжэн Хуэй окончательно решил, что поступил в академию не зря — где бы ещё он встретил таких верных друзей?

В обед заговорили о завтрашнем выходном.

Чжэн Хуэй потянулся, предкушая отдых:

— Завтра нужно как следует расслабиться! Пойдёмте в ресторан, я угощаю. Говорят, в павильоне «Золото и яшма» подают изумительную «рыбу-хризантему» — кисло-сладкую, её надрезают так искусно, что она расцветает в тарелке.

— Я не пойду, — отрезал Янь Цзиньсинь. — Я хочу заниматься.

Чжэн Хуэй надулся. Тогда он перевёл взгляд на Гу Чжао. Но тот лишь весело развёл руками:

— И я не пойду. Мой Чжоучжоу открывает лавку, я должен быть на подхвате.

— Один не идёт, другой занят... Что мне там одному делать? — вздохнул Чжэн Хуэй. — Видать, не видать мне этой рыбы.

Его друзья были прекрасными людьми, но один при каждом удобном случае расхваливал супруга, а другой думал только о книгах.

— Вы ведь ни разу у меня не были? — вдруг предложил Гу Чжао. — Если не брежете, приходите в гости.

Он решил запрячь друзей: завтра дел будет невпроворот, лишние руки не помешают. Чжэн Хуэй отлично сойдёт за зазывалу, а Янь Цзиньсинь с его крепкими плечами — идеальный помощник.

— Мой дом совсем рядом, от книжной лавки и десяти минут не будет. К тому же там новые книги из столицы привезли. Покупать не обязательно, можно просто полистать.

— Тогда завтра я приду, — сдался Янь Цзиньсинь. Чжэн Хуэй тоже согласился: всё лучше, чем в академии киснуть. Решили, что они придут к Ли с самого утра.

Каждый раз, когда Гу Чжао называл себя частью семьи Ли, Чжэн Хуэй чувствовал смутное беспокойство. Он не понимал, как тот может говорить об этом так открыто. Неужели не боится, что его назовут «мякотелым», живущим за счёт гэ'эра?

Сам Чжэн Хуэй был женат на побочной дочери главы округа. Слова восхваления от родственников звучали для него как издёвка: все видели в этом браке лишь расчёт. Даже когда он сдал экзамены на сюоя, в семье говорили, что это заслуга родства с тестем. Чжэн Хуэй предпочел неудобную комнату в общежитии, лишь бы чувствовать себя свободным.

Но тут ему встретился Гу Чжао — примак в доме гэ'эра! И этот человек вёл себя так, будто сорвал главный куш.

«Факты говорят сами за себя, — рассуждал тогда Гу Чжао, — признаю я это или нет, я вошёл в семью Ли как муж-зять. А почему я об этом говорю? Да потому что я счастлив! Мой Чжоучжоу — сокровище. А что там думают другие — мне плевать. Не они же оплачивают мою учёбу и заботятся о мне».

Чжэн Хуэй снова прокручивал в голове их разговор. Ночью он ворочался с боку на бок, пока Янь Цзиньсинь не спросил, в чём дело. Тот сел на кровати и выплеснул всё, что его терзало.

— Брат Чжао обладает редкой широтой души и твёрдой волей, — серьёзно заметил Янь Цзиньсинь.

Чжэн Хуэй замер.

«Верно... Я слишком пекусь о чужом мнении. Называю себя свободным от мирской суеты, а сам до смерти боюсь пересудов».

***

На следующее утро невестка Ма сама прикатила тележку и вернула вымытые миски.

— Пользуйтесь на здоровье, — сказала она. — Ох, Ли-гэ, какой же вкус у потрохов! Изумительно!

Ли Чжоучжоу раздумянился от похвалы.

— Не обессудьте, тётушка Ма. Мы ведь из деревни. Я и не знал раньше, что в городе даже за вывоз нечистот платить надо. А мужу учиться нужно... Вот и решил попробовать торговать чем умею.

— Это ты верно решил, — сочувственно кивнула соседка. — Книжники нынче дорого обходятся.

В мясной лавке хозяин по фамилии Чжу как раз разделывал тушу. Нож в его руках порхал, словно лёгкое перышко.

— Старина Чжу, взвесь-ка мне жира и грудинки, — просили покупатели. Его рука была точнее весов.

Тут мясник заметил Ли Чжоучжоу с тележкой.

— Я тебя помню. Ты ж вчера целую бадью взял. Неужто съели?

Ли Чжоучжоу честно ответил:

— У меня есть свой рецепт потрохов. Теперь буду каждый день приходить. Вчера я мало заплатил, возьмите больше.

Мясник опешил:

— Так ты... гэ'эр?! И что, люди это покупают? Не боишься прогореть?

Ему стало жаль беднягу: видать, совсем припёрло — муж учится, а денег на приличное дело нет.

— Сколько возьмёшь? Я ж не живодёр какой, — буркнул он.

Ли Чжоучжоу начал объяснять:

— Вчера десять вэней за бадью — это почти даром. Если моё дело пойдёт, я не хочу, чтобы вы потом на меня обиду затаили.

Старый мясник лишь хмыкнул. Эти потроха и даром никому не нужны.

— Хватит болтать! Сказал — десять вэней, значит — десять. Заработаешь на этом — твоя удача. Прогоришь — назад деньги не проси.

Ли Чжоучжоу пришлось уступить.

— Беру. Одну бадью. Завтра снова приду. Сможете за мной их оставлять?

— Бадьи две наберётся. Всё твоё будет.

Когда Ли Чжоучжоу расплатился и ушёл, подмастерье спросил:

— Учитель, неужто и впрямь кто-то требуху есть станет? Она ж воняет...

— Посмотрим, на сколько его хватит, — проворчал Чжу.

Ли Чжоучжоу отвез потроха домой, а потом отправился в столярную лавку. Там старый мастер внимательно изучил чертёж Гу Чжао.

— Колёса спереди, а сзади подпорки... Это хорошо. Куда удобнее тех, что мы раньше делали.

— Мой сянгун тоже говорит, так лучше будет, — добавил Ли Чжоучжоу. — И ещё два деревянных ящика нужно в длину тележки.

При расчёте мастер скинул двадцать вэней — считай, ящик в подарок отдал. Ли Чжоучжоу, сияя от гордости, поблагодарил мастера. Как же приятно слышать похвалу мужу!

Домой он вернулся уже после полудня. Только пришёл, как постучала тётушка Сюй. Она вернула миски, а в придачу принесла два пирожка. Узнав об открытии лавки, она обрадовалась:

— Сяо Вэнь со вчерашнего вечера только о твоих потрохах и говорит!

Ли Чжоучжоу принялся за работу. Бадья требухи после чистки и варки уменьшилась почти наполовину — как раз на один большой котёл. Он готовил порциями, как советовал Гу Чжао. В этот раз он решил угостить всех жителей их переулка.

Он прикинул: из одного котла выходит пятнадцать больших ложек. Если продавать по семь монет — выйдет сто пять монет. Бадья потрохов — десять вэней, специи, дрова, вино, сахар — ещё около двадцати пяти. Всего расходы — тридцать пять монет.

Итого — сорок пять вэней с учётом стоимости потрохов. Значит, чистая прибыль с одного котла — шестьдесят монет!

Ли Чжоучжоу считал медленно, и глаза его загорались всё ярче. Если продавать по одному котлу в день, за месяц выйдет один лян восемьсот вэней! За год можно скопить восемь-девять лянов серебра. Счастье-то какое.

Вечером Гу Чжао встретил у входа в переулок рабочего со столом. Они вместе занесли мебель во двор. Когда супруги сели ужинать, Ли Чжоучжоу рассказал о мяснике и своих расчётах. Гу Чжао выслушал и предложил:

— А если продавать по восемь монет? Красивое число!

— Муженёк, я работы не боюсь, — мягко возразил Ли Чжоучжоу. — Наши соседи считают каждую копейку. Семь вэней им по карману, а лишняя монета заставит задуматься.

Гу Чжао не стал спорить. Его Чжоучжоу был прав.

— Твоя правда, лапушка. В уличном деле главное — постоянство.

Сегодня угощение разошлось по всему переулку. Те, кто пробовал вчера, набросились на еду сразу. Другие сначала сомневались, но стоило попробовать — и восторгу не было предела.

— Когда же Ли открываются? — пошёл слух по домам.

Тётушка Сюй охотно делилась новостями:

— Завтра с утра! Уж не знаю, почём продавать станут, наверняка недёшево будет.

— Если по десять монет за порцию — можно иногда и побаловать себя.

— Десять монет за требуху? — усомнился муж госпожи Чжоу.

Жена лишь посмеялась над ним:

— «Требуху»! Ты ж её первый и уплел за обе щеки. Меньше чем за восемь-девять монет такую вкусноту никто не отдаст.

<http://bllate.org/book/15349/1428387>